

Концерт на карантине / рассказы

Category: Heкаýalar, Kitарсу

написано kitарсу | 24 января, 2025

Концерт на карантине / рассказы КОНЦЕРТ НА КАРАНТИНЕ

• Пищевая цепочка господина Лю

Евгении Дудник

Вводная: «Вот разные рыбы»

– Вот разные рыбы, – благожелательно отмечал господин Лю, шествуя через рынок. – Вот разные крабы. Вот разные гады, благоухание которых пленяет...

Мутноглазые рыбы подрагивали в корзинах, неуклюжие крабы норовили слинять. Их попытки были смехотворны! Господин Лю смеялся от души.

Гады уже никуда не спешили, они скворчали на гигантских жаровнях. Повара ловко подхватывали их шумовками, подбрасывали, жонглировали ими и выдыхали огонь, который ровно обжаривал гадов.

Рынок уже не просто гудел, а местами визжал – так вырываются из-под крышки струи раскаленного пара.

Господин Лю шел дальше.

– Воину, следующему Путем, нет дела до рыб, – провозглашал он негромко, но колебания воздуха достигали чутких ушей отдаленного Шаолиня, и тридцать тысяч мудрецов одобрительно кивали в ответ. – Нет ему дела и до жалких гадов.

Каждое слово господина Лю становилось загадкой.

– Вот жабы, мой господин! – воскликнул какой-то оборванец.

Лю коротко начертил в воздухе иероглиф, и глупец, устыдившись, умер на месте. Его немедленно уволокли в палатку, из которой доносились тяжелые удары вперемежку с хакающими и хекающими возгласами.

– Вот сколопендры, – приговаривал Лю, двигаясь дальше. – Вот

панголины, тараканы, опарыши, аскариды, ежи и ехидны. Воин, сознание которого светло и чисто, пренебрежет ими.

Он достиг шатра, который стоял особняком. Шатер охранялся вооруженной народной милицией, но господина Лю пропустили беспрекословно как видного деятеля партии. Приказ о его аресте и расстреле за взяточничество надлежало исполнить через четыре дня.

Толстый торговец, владевший шатром, искренне умилился и обрадовался при виде Лю. Его хребет заходил ходуном. Цены на редкостные диковины, которыми он торговал для утонченных гурманов, были заоблачными.

– Ты знаешь, чего мне надобно, – кивнул господин Лю.

Тот угодливо осклабился и зашептал:

– Проследуйте внутрь, уважаемый товарищ. У меня свежие поступления из-за семи морей.

Он провел господина Лю в главное помещение, отделенное шторой. Там стояли клетки, из которых летели рычание, визг, шипение и нецензурная брань.

– Люди-Пауки, – шепнул торговец. – Женщины-Кошки...

Лю презрительно глянул на клетку с отвратительным молодым человеком в красно-синем костюме и маске. Из юноши тянулись клейкие сопли, а сам он застыл, готовый к прыжку.

– Специально для вас распорядюсь сварить его в поту Капитана Америки.

– Бэтмены, – коротко бросил господин Лю. – Мне нужны Бэтмены.

– Пожалуйте сюда. Их нынче целых двенадцать штук.

Коренастые, метрового роста Бэтмены мрачно глядели из высокой обезьяньей клетки. Некоторые висели на жердочке вниз головой.

Какое-то время Лю стоял, прикидывая и выбирая.

– Мне вон того, упитанного. Но...

Названный Бэтмен вдруг метнулся к прутьям, вцепился в них и яростно затряс, грязно сквернословя. Торговец просунул палку и ударил его по голове.

– Тихо сидеть! Но – что, уважаемый товарищ?

– Но только яйца. Отрежь и выстави на солнышко. Я вернусь за ними через два дня, когда подгниют.

– Он спаривался с Женщиной-Кошкой, товарищ.

– Вот как? Это меняет дело. Тогда через четыре.

– Вы пальчики оближете...

– Я их всегда облизываю...

И на душе господина Лю расцвели лотосы, венчавшие десять тысяч нефритовых столбов.

• Стопудовое соглашение

Ане Пономаревой

Вводная: «Брачный контракт»

Гражданин был рослый и тучный, но едва виднелся за продуктовой тележкой.

– Карантин, соблюдайте дистанцию! – загремел репродуктор. – Не заходите за ограничительную черту!

Гражданин и его тележка заняли две разделительные черты.

И очередь не выдержала.

– С голодного острова!

– В могилу с собой унесет!

– Пихать в себя будет – и куда столько влезет?

– Тайга неогороженная! На всю деревню набрал!

Кто-то особенно въедливый наплевал на дистанцию, подскочил и ткнул пальцем в гору пакетов:

– Что это? Как это понимать, позвольте спросить?

Тучный гражданин побагровел и вытаращил глазки, похожие на перепелиные яйца.

– Это пуд соли! – пророкотал он, сунул руку за пазуху и потряс какой-то бумагой. – На, читай! Государственный, нотариально заверенный документ!

– Нет таких документов! – заартачился оппонент.

– Нет, есть! Надень очки и прочти! Брачный контракт! Я обязуюсь по нему съесть с моей дорогой супругой пуд соли!

Народ начал стягиваться.

– А это? – насмешливо осведомился кто-то. – Что же, гречневая каша у вас тоже в контракте прописана?

– Я же не буду есть пуд соли гольем! – воскликнул гражданин.

– Оно и видно, – подхватил третий. – Хороший контракт! Одних окорочков не счесть! Туалетную бумагу тоже солить изволите?

– Это соразмерно съеденному! – крикнул тот. – Из контракта следует...

– Что вы еще будете пить неупиваемую чашу, – продолжил четвертый. – Два ящика бухла!

Кольцо вокруг гражданина начало смыкаться.

– Галя! Галя! – заблажил гражданин, туго вращая головой на короткой шее.

К нему подъехала объемная женщина, тоже с тележкой, и всякие карантинные разграничения окончательно лишились смысла.

– И у нее пуд! – ахнул кто-то.

– Нас двое! – запальчиво огрызнулась она. – У нас брачный контракт!

Вперед шагнул не столько толстяк, сколько великан. Он быстро выдернул из пальцев гражданина брачный контракт и со змеиной улыбкой располовинил его.

– Развод, – объявил он сладким голосом.

И очередь дружно заплодировала, а тут и репродуктор подоспел – он начал уведомлять, что в одни руки отпускается всего понемногу.

• **Наседка**

Рае Сабуровой

Вводная: «И я по улице ходил»

– Дело вышло такое, – начал седой арестант лет двадцати четырех. – У меня во дворе есть клумба. Такая, знаете, самопальная, в автомобильной крышке. Ну, сезон начался, пора высаживать незабудки, а я под замком. У нас на службе один баклан нарушил режим, сгонял на блядки в Рязанскую область. Всех под карантин. Что делать? Я маской прикрылся, захватил семена, выскочил. Дело уж за полночь было, стемнело давно. Только присел над клумбой – включили прожектор, подкатил матюгальник и давай на меня гавкать. Ну, зло взяло. По беспределу же полному! Я его сразу на Ютуб и залил. Попутал бес, не отрицаю, но сами понимаете...

– Понимаем, братское сердце, – закивали сокамерники. – Но ты парень резкий!

– С ментами иначе нельзя, – авторитетно заговорил второй, беззубый и матерый, годами не меньше тридцати. – Я уже четвертый раз чалюсь, а как бегал, так и буду бегать. Хер им в зубы, чтоб голова не качалась. Я их вообще на видео снимал минут десять, залез на крышу гаража. Они прямо осатанели. Ну а что? Мне воду отключили, толчок не работает. Вышел поссать. Тоже было темно, но луна и звезды. Как на ладони!

– Поссал бы так, – сказал кто-то.

– Зашквар это, – нахмурился урка. – Западло. Ты можешь ссать куда хочешь, если по жизни чушкарь, а я пацан правильный.

Третий рассказчик презрительно фыркнул. Это был иссохший полутруп лет девятнадцати, сплошь покрытый хипстерскими татуировками.

– Вы ночью шастали, а я ходил внаглую, среди бела дня! И не на сраном карантине, а с доказанным вирусом! Пять томов дела сшили, как анализ пришел! А я с детства люблю голубей. Вот и вышел степенно так – сперва в магазин, там все аж бледные стали, а после на лавочку, в скверик. Начал крошить батон...

– На кого?

– Не на кого, а кому. Голубям... Они и прилетели. Не, не голуби – вертолеты. Эпидемиологический спецназ ФСО. Накрыли меня сетью и понесли...

Повисло уважительное молчание.

– И я по улице ходил, – послышалось из угла.

Все разом повернулись и уставились на затюканного хмыря неопределенного возраста. Тот уже две недели помалкивал, ел у параша, всю пользовался всеобщим презрением. И вот неожиданно разинул вафельник.

– Ты? – прищурился авторитет.

– Ну да, я, – робко кивнул задрот.

– А по-моему, ты насадка. Что скажете, бродяги? Как по-вашему, может такой тихушник ходить по улице?

– Баклан он! – понеслись крики.

– Нет, олень!

– Под шконку его!

– Очень, очень подозрительный человек! Куму дует!

– Мочи его, бродяги! Всех уже по десять раз допросили, а этого

не трогают!

Заскрежетала дверь камеры. На пороге нарисовался тюремщик в противочумном костюме.

– Гаврилов, на выход! – скомандовал он.

Заторканный хмырь, который уже сжался в своем кутке, медленно выпрямился и пошел на зов. Резиновая рука схватила его и поволокла прочь. Дверь лязгнула.

В камере снова примолкли.

– Вот увидите, он больше не вернется, – пообещал седой. – Мы его раскололи.

Но через два часа дверь снова распахнулась, и хмыря швырнули через порог. На нем не осталось живого места. Глаза заплыли, на голой груди багровели ожоги. Челюсть была свернута, зубы выбиты, руки и ноги сломаны. Гениталии раздулись и приобрели синюшный оттенок.

– Вот как оно повернулось, – тихо сказал кто-то.

Над хмырем склонились.

– Прости, брат, – повинился авторитет. – Твоя правда. Ошибка вышла. Прости нас, честных бродяг.

• **Исполнитель желаний**

Елене Thegreat

Вводная: «Мой единорог»]

– Вот так девочка и поправилась, – жизнерадостно сказала мама и захлопнула книжку. – Папа привел ей слона, потому что очень ее любил!

– А чем она болела? – прохрипела Любочка. – Тоже косоглазым говном?

– Тоже, – кивнула мама. – Так говорить нехорошо, больше не повторяй.

– А Николай Фомич говорит.

– Он взрослый, ему можно.

– У меня-то папы нет, – пригорюнилась Любочка.

– Есть, только он неизвестно где. Зато Николай Фомич с нами. Он, если нужно, приведет тебе и слона, и кого хочешь еще.

– Я не хочу слона, мне нужен единорог. Чтобы у меня был мой

единорог.

– Что за фантазии? – озабоченно спросила мама и потрогала Любочке лоб. – Ты снова бредишь?

– Нет, я хочу! Хочу! Я читала, что он только по девочкам ходит!

– К девочкам, – машинально поправила мама. – Не надсаживай горлышко, тебе вредно. Поспи немного, а я подумаю, что тут можно поделать.

– Я его поцелую и стану принцессой, – сонно проговорила Любочка, и стало ясно, что это уже точно бред.

Она забылась тяжелым сном. Ей снились разные животные, большей частью неприятные. Среди них постоянно вертелся Николай Фомич. Потом животные растаяли, а он остался, и, когда Любочка проснулась, оказалось, что Николай Фомич и правда не снится, а стоит перед ней в резиновых перчатках и респираторе.

Рядом куталась в шаль раскрасневшаяся мама. Она вытирала губы.

– Вот! – прогудел из-под маски Николай Фомич. – Смотри, что я тебе принес! Это аппарат искусственного дыхания. Не каждый может себе позволить!

– Осталось доктора найти, – подсуетилась мама.

– Найдем, – уверенно сказал Николай Фомич. – В крайнем случае, попрошу Валеру.

– Он же шофер.

– Ну и что? Валера что угодно запустит, даже ракету. Между прочим, и доводилось...

– Мой единорог! – захрипела Любочка. – Где мой единорог?

– Вот же он, – осторожно улыбнулась мама.

– Это Николай Фомич!

– Он не просто Николай Фомич, а еще единорог. Ну, почти. Николай Фомич – единоросс. Так даже лучше. Хочешь стать принцессой – станешь! И целовать его не придется...

– Ну почему же, – протрубил Николай Фомич.

– Я сама его поцелую, – перебила мама. – Куда он захочет.

• **Опись имущества**

Роману Мельникову

Вводная: «Сижу на диване, положив ноги на стул»

Пристав шагнул за порог и полной грудью вдохнул морозный осенний воздух. Он вышел налегке, чемодан с инструментами был у сержанта.

– Что там? – спросил сержант.

Пристав молча показал ему распечатку сообщений. Одно и то же значилось уже полтора месяца, изо дня в день, в ответ на все уведомления: «Сижу на диване, положив ноги на стул».

– Заело, – широко улыбнулся сержант.

– Все как обычно, – кивнул пристав. – Они такие умные на изоляции.

– Как вчерашний, да. «Считаю лично для себя недопустимым открывать дверь и подвергать судебных исполнителей опасности заражения».

Дальше оба шагали молча. Занятие успело им приестся, и обсуждать одно и то же по десять раз не хотелось.

Прибыв по адресу, для порядка позвонили. Из-за двери немедленно донесся далекий голос:

– Сижу на диване, положив ноги на стул!

– Понятно, – сказал пристав. – Значит, придется по-плохому.

Сержант распахнул чемодан, вынул болгарку и примерился. Металл завизжал, посыпались искры, закурился дымок. Дверь качнулась и стала заваливаться. Сержант и пристав подхватили ее, отставили в сторону и вошли в жилое помещение.

Внутри было шаром покати, то есть ровным счетом ничего. Ни в прихожей, ни в кухне – голые стены. В комнате оказалось побогаче, не без предметов роскоши: там стояли диван и стул, а на диване, положив на стул ноги, сидел гражданин с тупым лицом. Он держал в руках телефон и набивал очередное уведомление о своих действиях.

– Карантин, – пролепетал гражданин, не меняя выражения.

– Вы, уважаемый, изрядно задолжали государству и частным лицам, – объявил пристав. – Я вижу, что добра вы не цените. Что ж! Начинаем описывать имущество.

Сержант извлек бланк протокола. Пристав огляделся.

– Ну-с, из имущества мы имеем – что? Собственно диван и стул.

Он подступил к гражданину и нехорошо оскалился:

– Праздник кончился, Буратино! Папа Карло пришел...

Сержант в очередной раз сунулся в чемодан и вынул пилу. Провел по зубьям пальцем.

– Затупилась уже...

– Давай, а я его малость нагну.

Сержант завел пилу под сиденье гражданина и чиркнул на пробу. Тот вдруг истошно завизжал.

– Молчи, сволочь, – приказал пристав, а сержант принялся пилить.

Посыпались опилки, неплательщик продолжал визжать. Минут через пять его удалось отделить от дивана.

– Смотри, какие корни пустил, – восхитился пристав и погладил ровный пенек. – Давай теперь стул.

Они отпилили стул, а изолянта уложили на пол, на бок. Он остался лежать согнутый.

• Последний специалист

Сергею Сырову

Вводная: «Котик ожил»

Давным-давно. Год 2019

Ветеринар вышел из операционной пошатываясь, срывая перчатки и маску.

– Водки, – распорядился он коротко.

А по клинике уже полетели восторженные, отчасти недоверчивые вопли:

– Ожил! Котик ожил! Хозяева, не плачьте! Он ожил! Им занимался маг и волшебник! Воистину, кудесник, не имеющий равных!...

Ветеринар изнеможенно привалился к стене и сполз на пол. Ему уже принесли.

Наши дни. Год 202...

– Сейчас с вами будут говорить, – важно сказал телефон.

Ветеринар стоял у окна и мрачно смотрел на костры. Связь была паршивой, но в этом случае почему-то лучше обычной. Двор пересекли какие-то тени. Один оседлал другого и с гиканьем погонял. В далекой дали завывали сирены.

– Это вы оживили котика? – спросил телефон стороже.

– Был такой случай...

– Не смейте никуда выходить. Ждите дома, за вами приедут. Это дело государственной важности. Нет, планетарной.

Ветеринар опустил на диван и стал ждать. Лампа мигала. По лестнице кто-то спускался; донеслись глухие удары, короткие крики. В дверь позвонили через десять минут.

Осунувшийся, небритый, в растянутых трениках он подошел и безнадежно отворил. На пороге сверкал орденами полковник.

– Следуйте за мной, – приказал он. – Машина ждет.

– Машина? – поразился ветеринар. – Откуда? И что случилось?

– Вы – последний медик в стране. Последний медик для Первого лица. Оно заболело. В бункер просочились фекально-оральные воды из инфекционного госпиталя.

– Но я ветеринар!

– Тем лучше! Раз вы последний, вас ждет головокружительная карьера. А еще сильнее ждет депутатский корпус, который уже месяц работает удаленно и не подает признаков жизни. Только сохраните лицо.

– Но почему?..

– Потому что котик ожил! – заорал военный, округляя глаза. – Мы в курсе! Хватит болтать, ступайте за мной!

Стоявший у подъезда лимузин аж трясся от нетерпения. Ветеринар заполз в салон, не веря глазам. Громыхали разрывы чего-то. По асфальту стелился дым, смешанный с туманом и чем-то еще. Шагах в пятидесяти прошествовала длинная фигура в балахоне и с косой на плече.

Лимузин сорвался с места и под воронье карканье вылетел на изрытый воронками проспект. Патрули расступались, потому что полковник без умолку орал в рацию:

– Код «Котик ожил»! Код «Котик ожил»!

– Не знаю, справлюсь ли я, – затравленно пролепетал ветеринар.

– Такая ответственность...

Полковник развернулся к нему с переднего сиденья.

– Но котик-то ожил!

По прибытии на место ветеринара раздели, просветили лучами, провели комплексное полостное обследование. В него вонзилось

двадцать игл, ему ввели полкило вакцин и сывороток. С него взяли пять подписок о молчании под страхом пулемета и отпечатки пальцев. В отдельной комнате заставили подрочить на случай непроизвольного благоговейного возбуждения. Потом отвели к пациенту и окружили в звании не ниже генерала-полковника.

Ветеринар пощупал пульс, поднял веки.

– Ну? – подались к нему строем.

Он профессионально вздохнул и отступил от стола.

– Что ж, на данный момент я могу сказать следующее. Котик-то ожил... .

• Термоизоляция

Льву Холоднокровному

Вводная: «Трудности сурдоперевода»

Миша и Слава были дружинниками, но моровое поветрие перевело их в волонтеров и обязало помогать престарелым. В опорном пункте им выдали адрес и наказали купить все нужное: крупу, консервы, какие-нибудь лекарства.

– Что конкретно купить-то?

– Вот навестите и выясните.

– А позвонить и спросить нельзя?

– Нельзя. Бабка глухонемая. И ведьма вдобавок, как поговаривают. Никто из соседей не желает с ней знаться.

Миша и Слава встали на моноколеса и покатали в адрес. Оба имели довольно зловещий вид на пустынном проспекте. Прибыв на место, они долго трезвонили в домофон. Им не хотели отпирать, но в итоге пришлось, когда Миша назвался дезинфектором и пригрозил очередному квартиросъемщику виселицей.

Они поднялись на третий этаж. Звонить не стали – бесполезно. Слава принялся бить ногой, и дверь, на Славу не рассчитанная, заходила ходуном. Это подействовало, бабка мгновенно откликнулась. На пороге и в самом деле нарисовалась ведьма, какую показывают в детских фильмах. Дряхлая, горбатая, нос крючком, на подбородке бородавка, платок завязан узлом на лбу. В руке был ухват, а об ноги терся жилистый черный кот.

– Добрый день! – крикнул Миша бессмысленно громко. – Что вам купить, бабуля?

Очевидно, старуха разобрала сказанное по губам. Она принялась жестикулировать. Волонтеры переглянулись.

– Трудности сурдоперевода, – вздохнул Слава. – Что это она изображает?

– Раз она ведьма, то похоже на летучую мышь. Вот это тебе надобно, бабуля? – Миша принялся хлопать руками, как крыльями.

– Вот откуда зараза пошла, – кивнул Слава. – А мы все валим на китайцев.

Бабка пришла в исступление и стала приседать.

– Жабу? – догадался Миша. Он присел на корточки и запрыгал по лестничной площадке. – Такую, правильно?

Старуха выпрямилась, сколько могла, и на миг застыла. Вдруг лицо ее стало масляным, беззубый рот растянулся в улыбке. Она усердно закивала, посторонилась и сделала приглашающий жест.

– Нет, нам нельзя, – покачал головой Слава и показал на свою маску.

Ведьма не унималась. Хуже того: вцепилась в его рукав и потащила в прихожую. Слава невольно шагнул и оцепенел. Внутри все было шоколадным: стены, пол, потолок.

Следом вошел и Миша. Дверь тут же захлопнулась сама собой. Ведьма стала пятиться, продолжая кивать и приманивая волонтеров согнутым пальцем.

– Да ведь это шоколадный домик, – поразился Миша. – Я в детстве мечтал о таком!

Все прояснилось в кухне. Там дышала жаром огромная печь, но не деревенская, а больше плита из тех, какие можно встретить в старых квартирах. Булькал котел. Под потолком висели гроздьями сушеные ящерицы, нетопыри, змеи, крысы и да, действительно – жабы. Ведьма торжествующе взвизгнула и взяла из угла большую лопату. Сдвигая мохнатые брови, она принялась тоненько выть и кивать на нее, приглашая сесть.

– Как же, мы сядем, а она нас зажарит, – усмехнулся Слава.

– Бабушка! – сказал Миша. – Ты покажи нам, как сесть-то!

Он произнес это настолько выразительно, что ведьма поняла. Досадливо махнув рукой, она уселась на лопату, обхватила

колени и выжидающе, с терпеливым укором воззрилась на волонтеров. Слава схватил лопату и всадил ведьму в печь. Полетели искры, повалил черный дым, в печи затрещало. Заухал потайной филин. Кот заорал и принялся нарезать круги по кухне. Миша вынул из кармана мобильник, набрал номер опорного пункта. – Нам пришлось кремировать источник заразы, – доложил он. – Особо опасный вирусоноситель.

– Как, снова? – устало спросили на другом конце. – Вы, знаете ли, не первые. Послушайте, это хорошая инициатива, но она еще не санкционирована.

• На посошок

Алексу Сальникову

Вводная: «Лихой конец»

Не первой молодости супружеская чета смотрела на администратора собачьим взглядом. Они прорвались правдами и неправдами, миновав санитарно-полицейское оцепление, полосатые ленты и грозные объявления.

– Мы же закрыты, – выгнул бровь администратор Бюро Ритуальных Увеселений. – У нас карантин.

– Мы знаем, – проскулила чета. – Но в виде исключения! Наши родители – заслуженные работники культуры. Это плоть от плоти ваши люди. Они несли радость. Они выступали на юбилеях и утренниках, их сценические псевдонимы – Пипа и Пуп. Возможно, вы даже их знаете...

– Не имею чести.

– Они даже пробовались в «Аншлаг» и «Кривое зеркало»! Но их не взяли...

– Даже туда? Это сомнительная рекомендация.

– Обычная человеческая неблагодарность. Они смотрели все передачи! Вот уже много лет садились бок о бок, брались за руки и от души смеялись. Помогите проводить их по заслугам! Они герои развлекательного труда...

Администратор поскреб переносицу.

– Мы больше по части застолий, а тут... Для детей у нас имеются Джейсон и Фредди, но для людей преклонных лет... Да нас туда и

не пустят. Они, насколько я понял, тоже изолированы?

– Какое там, – махнул рукой супруг. – Палата, конечно, отдельная, но на искусственную вентиляцию – очередь. Им написали на ладошках номера. Они не дотянут. Пройти можно запросто, в эту больницу пускают всех! Им даже диагноз поставили «пневмония» – и все.

– А мы уж не поскупимся, – пообещала супруга.

Администратор крепко задумался.

– Пипа и Пуп, говорите? «Аншлаг»? Такие персоны, конечно, заслуживают бодрого прощания. Оно должно им запомниться на всю оставшуюся жизнь. Полагаю, тут лучше всего подойдет Лихой Конец.

– Это что?

– Это кто. Наш сотрудник. У него такой сценический псевдоним.

– И дорого берет?

– Недешево. Но у него почасовая оплата, а в вашем случае, как я понял, речь о часах не идет...

* * *

Пипа и Пуп лежали в постелях и тяжело дышали. В носы им были вставлены канюли. Оба из последних сил простерли морщинистые руки и сплели пальцы.

– Я всегда тебя любил, Пипа, – прохрипел Пуп.

– И я тебя любила, Пуп, – прошелестела Пипа.

– Нам уж с тобой недолго осталось...

– Мы прожили хорошую жизнь. Нам есть, что вспомнить.

– Есть, Пипа. Помнишь, как он упал на гвоздь?

– Помню. Не смей меня, мне трудно дышать...

Дверь в палату запахнулась. В проеме возник дюжий громила в ковбойской шляпе и сапогах со шпорами. На поясе с обеих сторон висели огромные револьверы. Из-за пояса торчала кривая сабля, за плечами расцветали воздушные шары. Лихой Конец выдул гигантский жвачный пузырь и смешно его лопнул. Из потайных пипеток брызнули слезы, и струи выгнулись дугой. Лихой Конец упер руки в боки и чуть прогнулся в талии назад.

– Ахха-ха-ха! – загремел он. – Ах-ха-ха-ха!

• Печать Зверя

Алине Оськиной

Вводная: «Надоело мне готовить»

На двенадцатый день бессрочной изоляции Капитолина произнесла роковые слова:

– Надоело мне готовить!

Василий был не дурак и сразу понял, что катастрофа при дверях. Капитолина бунтовала редко, но если такое случалось, то полагалось беспрекословно ложиться ногами к вспышке. Сам Василий пользовался всеми преимуществами государственного человека и ежедневно патрулировал улицы. Всем, кто осмеливался высунуться из норы, он с удовольствием демонстрировал разные виды на зимовье раков – от удаленных, штрафных, до ракурсов с эффектом присутствия в форме пиздюлей.

Поспешно сожрав утреннюю яичницу, он выкатился вон.

К ночи явился во всеоружии.

– Пляши, Капитолина, – оскалился он. – Ликуй. Нынче у нас будет секс.

Та обомлела. Тяготы государственной службы давно исключили это блюдо из семейного меню. Ужин, который приготовила Капитолина, она опрометчиво сочла последним, но после такой новости заколебалась.

Приготовления растянулись минут на пять. Это время было израсходовано на душ, а последние четыре минуты Василий просидел на толчке.

Затем состоялся сам процесс.

– Ох! – потрясенно выдохнула Капитолина через секунду. – Как будто это и не ты! Что у тебя там такое?

– Получил электронный пропуск, – довольно улыбнулся Василий. – Мне не надобно, но ради тебя – пожалуйста.

Капитолина выкатилась из-под него.

– Как – пропуск?

– Шар. Капля. Загнал под шкуру для остроты ощущений. Это микрочип.

– А почему все так быстро? Почему уже все?

– Так пропуск только на два выхода, оба и отгулял. Раз-два. Но ты не горюй! Он еще пишет домашнее видео. Будем смотреть и пересматривать.

– А кто еще будет смотреть? – подозрительно спросила Капитолина.

Василий, застигнутый врасплох, наморщил лоб.

– Где примут сигнал, там и посмотрят. Кому положено.

– И что они там увидят?

Василий задумался уже крепко, но скоро его лоб разгладился, и он просиял.

– Достроят общую картину для лучшего понимания ситуации!

• **Параллельная реальность**

Валико Половинкину

Вводная «Синяя вечность»

Вызов на «синюю вечность» поступил в пять утра, когда эпидбригада совсем измудохалась.

– Что-что? – переспросил фельдшер.

– Синяя вечность, – раздраженно повторил диспетчер. – Мне так сказали. Добавили, что очень плохо – и все. Отключились.

– А мы при чем? Мы в инфекционную возим.

– А при том, что только что вышел приказ любое заболевание считать инфекционным.

– Ну, принято, – вздохнул фельдшер и обратился к доктору: – Синяя вечность!

Тот повел себя непонятно: промолчал и нахмурился. Фельдшер принялся рассуждать вслух:

– Не иначе, галлюцинации, или напились до синевы. Хоть какое-то разнообразие!

– Не торопись, – буркнул доктор. – Возможно, это как раз по теме.

– Где же тут тема?

Тот снова помолчал. Потом заговорил:

– Ладно, расскажу. Ни с кем не хотел делиться, за психа примут. Но раз такое дело – слушай. Я ведь переболел, ты в курсе?

– Ну да, а как же.

– Лежал в реанимации. Умер там. Потом оживили. Тоже в курсе?

– Я же первым поздравил! Стакан поднес...

– А, точно. Память ни к черту. Правильно говорят, что эта зараза по мозгам бьет. Ну так вот. Я, как помер, вышел из тела. Не перебивай. Вдруг стало легко, приятно и совершенно ничего не жаль. Я парил под потолком, а труп лежал на столе. Мне до него не было ни малейшего дела, но я все видел и слышал. Как они бегали там, суетились, проводили мероприятия. Меня другое разволновало: вечность – она, оказывается, синяя! Как море или небо, но только намного лучше. Я прямо в дикое возбуждение пришел, захотелось всем рассказать, чтобы все поняли. Ору им с потолка: дебилы! вечность-то синяя! вы там не знаете ни хрена, а я вам скажу, потому что это очень важно! И хорошо мне сразу быть перестало, раз им не слышно. Я взбесился – думал, лопну. Только нечему было лопаться. Парю над ними и визжу: вечность – синяя! вечность – синяя! И чувствую, рядом кто-то. Слева и справа. Покосился туда-сюда, а это демон и ангел. Недоуменно так смотрят и хором говорят: ну да, она синяя, и что? Полетели отсюда, у нас впереди много важных дел. А у меня заело. Какие могут быть дела, если вечность синяя? Ангел и демон покружили немного вокруг, а потом махнули руками. Да иди ты, сказали. Залипай на свою вечность. Ну, я дыхание – или что там у меня было – перевел и давай снова орать. А коллеги уже подогнали дефибриллятор, уже нацелились в сердце колоть, уже намечают открытый массаж. К черту, кричу, ваш массаж! Вечность – синяя! Только они все равно меня оживили. И я, как пришел в себя, хотел рассказать им правду о вечности, а потом передумал. Сам понимаешь, какая будет реакция. Так что нечего скалиться – может быть, мы едем к родной душе...

– М-да, – только и сказал посерьезневший фельдшер.

Дальше ехали молча и мыслями пробовали унести в сферы, соприкоснувшись с тайнами бытия.

Прибыли, позвонили. Открыла глупая баба. Позади нее виднелся гражданин в майке, который сидел за столом. Когда он медленно обернулся, выяснилось, что у него заплыли оба глаза.

– Сосед его треснул по голове, да по роже, – доложила хозяйка.
– И веки сделались совсем синие. Такая сделалась синяя вечность, что я сразу звонить.

апрель 2020.

© Алексей СМИРНОВ. Некаýalar